

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.7>

Ковалев Александр Сергеевич

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ НЕТРУДОСПОСОБНОМУ НАСЕЛЕНИЮ В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ СИБИРИ В 1918-1919 ГГ.

В статье на основе ранее не публиковавшихся материалов сибирских архивов рассматриваются основные направления социальной помощи Временного Сибирского правительства в отношении нетрудоспособного населения на Алтае и в Новониколаевске в 1918-1919 гг. Анализируются особенности призрения инвалидов и пожилых людей в богадельнях, специфика материальной поддержки, санаторно-курортного и специализированного медицинского лечения. Автор приходит к выводу, что целостной системы социальной защиты инвалидов и пожилых людей в антибольшевистской Сибири не сложилось, а помощь нетрудоспособным не отличалась от дореволюционной практики общественного призрения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/11-2/7.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(97). Ч. 2. С. 205-210. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

41. **Остапенко А. А.** Отчет о разведке по реке Хмелинка в Задонском районе Липецкой области в 2008 г. Открытый лист № 164. Воронеж, 2009 // Архив ГДЛО.
42. **Пряхин А. Д.** Отчет о научно-исследовательской работе «Археологические памятники Центрального Черноземья в системе историко-культурного наследия народов Российской Федерации» за 1992 г. и основные итоги за 1991-1992 гг. Воронеж, 1992 // Архив ГДЛО.
43. **Рязанцев М. С.** Отчет о проведении разведочных археологических работ в бассейне р. Птань на территории Данковского района Липецкой области в 2005 г. Липецк, 2007 // Архив ГДЛО.
44. **Свиридов А. А.** Исследование поселения Отскочное 1 в Краснинском районе Липецкой области // Археологические открытия 2012 года в Липецкой области. Липецк, 2013.
45. **Скинкайтис В. В.** Отчет об археологической разведке в бассейне р. Быстрая Сосна в границах г. Елец, Елецкого, Измалковского районов Липецкой области в 2017 году. Липецк, 2018 // Архив ГДЛО.
46. **Тропин Н. А.** Отчет о разведках на территории Липецкой области в 2002 г. (Лебединский, Измалковский, Задонский районы). Елец, 2002 // Архив ГДЛО.
47. **Тропин Н. А.** Отчет об исследованиях Верхнедонского отряда археологической экспедиции ВГУ в 1989 г. на территории Липецкой области. Воронеж, 1989 // Архив ГДЛО.
48. **Тропин Н. А.** Отчет об исследованиях на территории Липецкой области в 1990 году. Елец, 1991 // Архив ГДЛО.
49. **Уваркин С. В.** Отчет о проведении разведочных исследований в г. Задонске в 2006 году. Липецк, 2007 // Архив ГДЛО.
50. **Цельковский М. В.** Отчет об археологической разведке экспедиции Елецкого государственного университета по р. Ельчик Становлянского района Липецкой области в 2006 году. Елец, 2007 // Архив ГДЛО.
51. **Цельковский М. В.** Отчет об археологической разведке экспедиции Елецкого госуниверситета по р. Б. Сосна и ее левому притоку р. Воргол Елецкого района Липецкой области в 2009 г. Елец, 2010 // Архив ГДЛО.
52. **Цыбин М. В., Разуваев Ю. Д., Саврасов А. С., Говоров М. И., Пичугин М. Н., Струков Ю. Л.** Отчет о научно-исследовательской работе «Археологические памятники Центрального Черноземья в системе историко-культурного наследия народов РСФСР» за 1991 г. Воронеж, 1991 // Архив ГДЛО.
53. **Чеботарева Н. Ф.** Отчет о разведке по р. Снова Липецкой области. Воронеж, 1969 // Архив ГДЛО.

HISTORY OF FIELD STUDIES OF THE LATE ROMAN MONUMENTS WITHIN LIPETSK REGION

Zemtsov Grigory Leonidovich, Ph. D. in History

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky
grizem@rambler.ru

The article considers the history of the field studies of the late Roman (the middle of the III – the beginning of the IV century A.D.) monuments within Lipetsk region. About 100 settlements of this group were discovered here over the period of 50 years. The author describes the stages of the field research. The first one refers to the time period of the 1960-1980s when archaeologists discovered the late Roman settlements but dated them from the Bronze Age to the Middle Ages. At the second stage (the 1990s – the beginning of the 2000s) large-scale work was carried out, the monuments of Kashirka-Sedelky type were identified. Recently the interest in this research area has disappeared.

Key words and phrases: Lipetsk region; late Roman period; settlements; history of studies; archaeology.

УДК 94(57); 316.334.3

Дата поступления рукописи: 06.09.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.7>

В статье на основе ранее не публиковавшихся материалов сибирских архивов рассматриваются основные направления социальной помощи Временного Сибирского правительства в отношении нетрудоспособного населения на Алтае и в Новониколаевске в 1918-1919 гг. Анализируются особенности призрения инвалидов и пожилых людей в богадельнях, специфика материальной поддержки, санаторно-курортного и специализированного медицинского лечения. Автор приходит к выводу, что целостной системы социальной защиты инвалидов и пожилых людей в антибольшевистской Сибири не сложилось, а помощь нетрудоспособным не отличалась от дореволюционной практики общественного призрения.

Ключевые слова и фразы: благотворительность; богадельня; гражданская война; инвалиды; медицинская помощь; пособия; пожилые люди; социальная помощь.

Ковалев Александр Сергеевич, д.и.н., доцент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
alexkovaleff@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ НЕТРУДОСПОСОБНОМУ НАСЕЛЕНИЮ В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ СИБИРИ В 1918-1919 ГГ.

Наша страна на современном этапе развития стремится стать подлинно социальным государством, для которого, помимо прочего, характерна эффективно функционирующая система государственной социальной политики в отношении нетрудоспособных слоев населения. В то же время на самом обществе лежит

ответственность за социальное благополучие нетрудоспособных граждан, поскольку степень социальности государства оценивается его отношением к инвалидам и старикам и во многом является показателем цивилизованности общества и уровня гуманизма. Государственные деятели, общественные лидеры, правозащитники, представители профессионального сообщества, ученые из самых разных областей науки пытаются предложить разные варианты социальной заботы об инвалидах и престарелых гражданах, нередко обращаясь к историческому опыту становления и развития социальной помощи нетрудоспособным лицам.

С одной стороны, чаще всего исследователи обращаются к дореволюционному периоду, подробно анализируя различные благотворительные практики общественных, религиозных, сословных организаций. С другой стороны, историки, занимающиеся проблемами становления и развития советской власти, акцентируют свое внимание на генезисе государственной социальной политики в 1920-1930-х гг., противопоставляя ее общественному призрению. В то же время совершенно неизученной остается практика социальной помощи нетрудоспособному населению антибольшевистских правительств в годы гражданской войны и прежде всего в Сибири, поскольку именно на ее территории в 1918-1919 гг. действовали временные органы государственного управления. Одним из значимых направлений своей деятельности они считали мероприятия, направленные на реализацию принципа социальной справедливости, поскольку для обывателей, вовлеченных в гражданскую войну и вынужденных принимать ту или иную сторону, было крайне важно понять, как новая власть реагирует на потребности незащищенных слоев населения.

Очевидно, что между старой, дореволюционной моделью социальной помощи, основанной на общественной благотворительности, и новой, предлагаемой большевиками, в которой государство выступает в качестве единственного субъекта содействия нетрудоспособным лицам, могла существовать, хоть и недолго, еще одна парадигма помощи. Вполне естественно, что она не могла быть сколь-нибудь похожей на советский вариант, но способна ли была преодолеть ограниченность практики общественного призрения?

В общероссийской и региональной историографии крайне мало исследований, которые могут дать ответ на этот вопрос. Существующие на сегодняшний день научные работы, посвященные социальной политике антибольшевистских правительств в Сибири в 1918-1919 гг., уделяют крайне мало внимания вопросам помощи инвалидам и пожилым людям. Это во многом связано с тем, что сохранился крайне незначительный корпус источников по изучаемой проблеме, позволяющий получать лишь отрывочные сведения. К тому же, сведения, содержащиеся в имеющихся публикациях, разрозненны, и требуется соединить их воедино, чтобы получить хотя бы приблизительное представление о том, какой была социальная помощь нетрудоспособным лицам в Белой Сибири.

Исходя из вышеизложенного, в настоящей статье автором были поставлены следующие задачи. Во-первых, провести подробный историографический обзор имеющихся на сегодняшний день публикаций, так или иначе освещающих социальную политику антибольшевистских правительств. Во-вторых, попытаться воссоздать целостную картину социальной помощи нетрудоспособному населению сибирского региона в годы гражданской войны со стороны Временного правительства. В-третьих, ответить на вопрос, была ли предложенная противниками советской власти модель заботы об инвалидах и пожилых людях действительно альтернативным вариантом социальной поддержки.

Историографический анализ проблемы показывает, что в отдельных публикациях содержатся некоторые упоминания о проблемах нетрудоспособного населения в сибирском регионе. Так, в статье А. Н. Васина и К. М. Велембовской приводятся воспоминания участника и очевидца антибольшевистского восстания в Сибири Е. П. Полудова, писавшего о тяжелом положении нетрудоспособных граждан: «Города и села Сибири были переполнены... инвалидами, оторванными в течение нескольких лет от станка, от сохи. На 60-70% у этих людей не было ни кола, ни двора...» [1, с. 205].

Сведения о попытках преодоления проблем инвалидов со стороны властей можно найти в трудах, посвященных деятелям Белой армии или деятельности противников большевистского режима. Например, И. Ф. Плотников, описывая жизнь и деятельность А. В. Колчака, восторженно пишет о том, как «Верховный правитель России» восстановил пенсионное обеспечение, что при нем в Сибири стали функционировать приюты для престарелых, якобы ликвидированные большевиками, а сам А. В. Колчак «лично участвовал в решении социальных вопросов, связанных с положением... инвалидов прошлых войн» [7, с. 73]. По мнению автора, кроме пенсионных выплат, колчаковское правительство открывало лечебные места на курортах, протезные предприятия и мастерские для инвалидов. В подтверждение своих слов И. Ф. Плотников указывает, что в Омске, Томске, Иркутске на инвалидов «отводились сотни тысяч рублей» [Там же]. Впрочем, никаких доказательств, подтверждающих эти сведения, автор не приводит.

В. Г. Хандорин, изучая аграрные взгляды сибирских кадетов в период гражданской войны, отмечает в качестве единственной меры колчаковского правительства то, что с 1919 г. инвалидам войны выделялись в собственность небольшие участки из свободного земельного фонда за счет конфискации земли «предателей» – пробольшевистски настроенных крестьянских повстанцев [12, с. 44].

Е. В. Мячина отмечает, что ведущую роль в социальной защите нетрудоспособных лиц играли добровольные общественные организации, которые по старинке ограничивались мерами благотворительного характера, организуемыми по инициативе населения, симпатизировавшего белым. В частности, в Барнауле продолжало функционировать «Общество подачи помощи больным и раненым воинам». Правда, единственным благотворительным мероприятием в пользу инвалидов войны был «Грандиозный танцевальный вечер», о сборах с которого ничего не известно [6, с. 135].

Более подробно деятельность Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам рассматривает К. А. Тишкина. Она пишет о том, что в 1918 г. был организован Временный главный комитет Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам, члены которого обратили внимание на то, что инвалидам, «пострадавшим за дело освобождения Сибири» (естественно, только из числа военнослужащих Белой армии), не оказывается должного участия, и Омский отдел только собирался открыть ортопедический завод и инвалидный дом. К. А. Тишкина указывает, что после того, как осенью 1918 г. в Омске было образовано правительство во главе с А. В. Колчаком, оно лишь декларировало намерения оказать поддержку материально уязвимым слоям общества – «взяло на себя обязательство по содействию... благотворительным организациям, осуществляющим опеку над... престарелыми и недееспособными гражданами» [10, с. 142].

В 2018 г. К. А. Тишкина защитила диссертацию, в которой конкретизировала основные направления деятельности Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в 1918-1919 гг. В частности, она отмечает, что Алтайский губернский союз увечных воинов выдавал инвалидам пособия и ссуды, вносил пожертвования в благотворительные организации. Например, союзом был выкуплен санаторий в Белокурихе, куда направляли увечных военнослужащих. Другой задачей Общества стало открытие в крупных городах общежитий с мастерскими для инвалидов. Но поскольку для этого требовались значительные денежные средства, дело продвигалось крайне медленно. Так, в ноябре 1918 г. в г. Бийске проживало 300 инвалидов войны, в уезде – 597, а в общежитии содержалось всего 15 человек [11, с. 183-184, 204]. Помимо этого, К. А. Тишкина приводит информацию о том, что в апреле 1919 г. вышло «Положение о призрении увечных воинов и их семей», согласно которому было установлено «призрение увечных за счет государства». Оно выражалось в выдаче «пенсий и пособий» как самим инвалидам, так и их родственникам, предусматривалось содержание нетрудоспособных в инвалидных домах, снабжение их протезами, лечение в специализированных лечебных заведениях, на курортах, организация ремесленных курсов для обучения инвалидов [Там же, с. 204, 208].

Вопросам социальной политики в отношении разных слоев населения посвящены публикации и даже целая глава в монографии В. М. Рынкова «Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России (вторая половина 1918-1919 г.)» [8; 9]. В целом, характеризуя социальную политику Временного правительства в Сибири, В. М. Рынков отмечает, что система социальных выплат, естественно, была «адаптирована к идейно-политическим нуждам режима. Она поддерживала прежде всего тех, кто боролся с большевизмом или родственников таких людей. Пенсионные выплаты лишь во вторую очередь... играли собственно социальную функцию» [9, с. 206].

Автор, исследуя отдельные элементы социальной политики антибольшевистских правительств в Сибири и дальневосточном регионе в годы гражданской войны, отмечает, что в это время «вдвойне сложным оказалось положение тех, кто во все времена существовал на пенсии и пособия» – пенсионеров и инвалидов, поскольку старая, дореволюционная система социального обеспечения переживала «значительную трансформацию». Антибольшевистские правительства в 1918-1919 гг. предпринимали меры для «адаптации пенсионного законодательства к новым условиям». Причем, по мнению В. М. Рынкова, «в нормативной базе было учтено разделение сограждан на два лагеря... В число получателей пенсий и социальных пособий включили новые группы населения, а другие исключили». Кроме того, дважды, «30 октября 1918 г. и 31 июля 1919 г. пенсионные выплаты индексировались. Но при этом они оставались смехотворно низкими... При общем увеличении происходило постепенное выравнивание ранее дифференцированных пенсионных выплат и социальных пособий. Но индексация пенсий путем фиксированного процентного увеличения базовых ставок в условиях усиливавшейся инфляции проблему не решала». Тогда Временное сибирское правительство ввело надбавки на дороговизну к пенсиям [8, с. 78-79].

Среди конкретных мер социальной политики антибольшевистских правительств в отношении нетрудоспособного населения В. М. Рынков выделяет следующие направления социальной помощи. Увечные-пенсионеры с весны 1919 г. стали получать 187 руб. в месяц. Им также предоставлялось право лечиться за счет казны, а потерявшие трудоспособность могли проживать в доме призрения на обеспечении казны. Вдовы, жены и дочери инвалидов войны получали приоритетное право при замещении вакантных должностей [9, с. 199, 203].

В государственном аппарате Временного сибирского правительства имелся отдел (позже – департамент) призрения Министерства внутренних дел, в компетенцию которого входила выдача пособий и пенсий инвалидам. Но в первую очередь Департамент выяснил, какое количество благотворительных учреждений располагалось на подведомственной ему территории. Оказалось, что к осени 1919 г. в Сибири находилось всего 8 инвалидных домов на 770 чел., причем, как указывает В. М. Рынков, эти «результаты явно не соответствовали действительности». Сам он о дальнейшей деятельности Департамента в отношении нетрудоспособных сибиряков не упоминает, ограничиваясь комментарием о том, что «о трагичных историях» учреждений для инвалидов в годы Гражданской войны почти ничего не написано [Там же, с. 299, 303, 335].

Говоря о ненаписанных «трагичных историях» учреждений для инвалидов, следует сказать, что после свержения Советской власти в Сибири в 1918 г. на смену советским учреждениям призрения, которые на самом деле за первые послереволюционные месяцы толком оформиться еще не смогли, вернулись привычные богадельни.

Несмотря на крайне тяжелые условия, в которых существовали полуразрушенные богоугодные заведения, желающих получить в них помощь меньше не становилось. Отдел призрения традиционно отказывал тем просителям, у кого были родственники. Например, в 1918 г. после прихода белогвардейцев в Барнаульскую Городскую управу обратился С. В. Каймалаков, который жаловался, что в период нахождения у власти большевиков все его «имущество было разграблено и хозяйство уничтожено». Он был вынужден вывезти семью в город, где в одной комнате проживали сразу все его родственники, в том числе 85-летний отец.

Мужчина писал: «...старик очень стар и требует отдельного угла и много забот, я же вследствие создавшегося положения не могу ничего ему дать» [2, д. 377, л. 135]. Он просил на время поместить престарелого отца в богадельню, но его просьба осталась без внимания.

Впрочем, даже одиноким пожилым людям отказывали в проживании. Так, в Барнауле снимала комнату престарелая чета Чертишевых, которых, несмотря на то, что они уже были зачислены кандидатами в богадельню и ожидали своей очереди, хозяева пытались выгнать на улицу, вследствие чего Городская управа была вынуждена принять меры к тому, чтобы впредь до помещения стариков в богадельню они не подвергались стеснению со стороны владельца и не лишались жилища [Там же, д. 375, л. 10].

В тяжелых финансовых условиях Барнаульская городская комиссия по призрению приняла решение обязать сыновей некоторых призреваемых в богадельне забрать к себе из учреждения своих родителей или, в крайнем случае, вносить в фонд богадельни субсидию за их содержание в случаях, когда сыновья: 1) имели собственный дом; 2) получали хорошее жалование (от 250 руб.); 3) занимали «выгодную» должность (например, руководитель кооперативного союза, судья и т.п.) [Там же, л. 13, 84 об.].

Говоря о повседневной жизни в алтайских богадельнях, стоит обратить внимание на отсутствие средств и крайне скудное обеспечение заведений, что порой приводило к крайне печальным последствиям. Так, в Барнаульской городской богадельне серьезнейшей проблемой стало полное отсутствие элементарного освещения. В Барнаульскую Городскую управу в 1918 г. поступило донесение [Там же, д. 377, л. 107-108] смотрителя местной богадельни, в котором тот сообщал об опасностях, которые подстерегали учреждение с приходом осени: «Наступают короткие дни, это самое худшее время для призреваемых, которые, лишённые освещения, становятся прямо мучениками» [Там же, л. 107].

Оказалось, что призреваемые были вынуждены «засветло производить свои скудные трапезы, чтобы не израсходовать лишнего керосину». Из-за нарушения пищевого режима и несвоевременного употребления пищи большая часть обитателей богоугодного заведения начали страдать желудочными болями и были вынуждены часто бегать в отхожее место. Однако в ночное время для пожилого человека, который был «вследствие своей дряхлости ограничен [в передвижении], даже пройтись по коридору рискованно – то он стукнется впотьмах лбом о стену, то ногой заденет за какой-нибудь предмет, то ушибет глаз и т.п., отчего нередко бедняги сидят с шишками от ушибов и охают» [Там же, л. 107-108].

Пытаясь самостоятельно справиться с напастью, призреваемые стали использовать «жироушки» – брали редьку, вырезали середину, клали туда масло, которое выдавалось к каше, делали фитиль, и «в палатах то там, то здесь замелькали огоньки, производящие смрад и копоть по всему зданию». Однако скоро сами старики стали жаловаться на головные боли из-за того, что «воздух становится невозможно удушливым» [Там же, л. 108].

Небезопасны самодельные «светильники» были и в пожарном отношении, но еще большим «злом», с которым пытался бороться смотритель богадельни, было использование призреваемыми самодельных лучин, которые они ночью теряли по дороге в уборную, периодически создавая пожароопасные ситуации. Чтобы устранить эту проблему, требовалось провести в заведение электрическое освещение, и для освещения богадельни нужно было всего 36 лампочек, но в годы экономической нестабильности периода Гражданской войны подобную роскошь городские власти позволить себе, конечно, не могли.

В то же время даже в условиях гражданской войны предпринимались все возможные меры к тому, чтобы организовать бесперебойное и правильное питание обитателей богадельни. Сохранившееся «меню» Александровской богадельни дает представление о том, каким тогда был примерный дневной рацион призреваемого: печеный хлеб (1,25 ф), мясо (0,5 ф), картофель или горох, каша гречневая или просяная, овощи, масло, чай или квас, сдобная булка на Рождество, кулич к празднику Пасхи [Там же, д. 375, л. 27-32]. Если сравнивать этот «паек» с капустным супом, которым потчевали на завтрак, обед и ужин в «красных» инвалидных домах, то вполне очевидным становится тот факт, что чиновники «белого» правительства проявляли к нетрудоспособным, вынужденным доживать свой век в богадельнях, большую заботу, нежели представители Наркомсобеса.

Организаторы общественного призрения стремились сделать жизнь в богадельне более насыщенной, организовать трудовую деятельность призреваемых. К примеру, в том же Барнауле Комиссия общественного призрения отправила своего представителя с заданием произвести осмотр городской богадельни для ознакомления «с работоспособностью призреваемых и с тем, какое [есть] мастерство... которым могли бы заниматься призреваемые». Обследователь побывал в женской богадельне и в своем отчете отметил, что во время его посещения все призреваемые женщины занимались «своим излюбленным ремеслом» (правда, что это было за ремесло, представитель умолчал). Расспросив проживающих, он выяснил, что «старушек, годных к работе и могущих принести пользу общему делу по благоустройству богадельни», 40 человек и предположил, что в богадельне можно оборудовать мастерскую для выработки перчаток и чулок. Требование организации трудовой деятельности представитель Комиссии считал определенным средством профилактики межличностных конфликтов, которые, по его мнению, возникали вследствие «праздности, которую ведут обывательницы богадельни. Будет у них работа... тогда не будет у них времени заниматься разными дрязгами, мелкими ссорами, которые являются результатом бездействия» [Там же, л. 87 – 87 об.].

В это же время нередко наблюдались массовые попытки призреваемых оставить богоугодные заведения. Они самовольно покидали богадельни, после чего их чаще всего находили в числе нищих, просивших подаяние возле церкви, где они продавали то, что успевали прихватить с собой из приюта (вплоть до больничного халата), появлялись в пьяном виде на улицах, нередко становились возмутителями общественного спокойствия. На предложение вернуться в богадельню беглецы отвечали отказом и даже просили их исключить из числа призреваемых, на что вновь воссозданные органы правопорядка, городского самоуправления и общественного

признания охотно соглашались [Там же, д. 377, л. 100]. К сожалению, стоит признать, что дальнейшая судьба тех, кто выбрал путь нищенства в престарелом возрасте, представителей власти особо не интересовала.

Альтернативой нищенству или помещению в богадельню было призвано стать продовольственное пособие для родителей мобилизованного в Белую армию солдата, если они были старше 55 лет или нетрудоспособны. В 1918-1919 гг. в Новониколаевске выдавалось такое пособие, оно было денежным и равнялось стоимости 1 пуда муки, 10 ф крупы, 4 ф соли, 2 ф жиров, 20 ф картофеля [5, д. 34, л. 2].

Следующим направлением социальной политики в отношении нетрудоспособного населения в Белой Сибири была практика отправки инвалидов войны на курортное лечение. Среди наиболее популярных курортов были санатории на оз. Шира, «Аул», «Маккавеевский курорт». Они принимали увечных солдат на общих основаниях по врачебному свидетельству, обеспечивали следующими направлениями медицинской помощи: употребление целебной воды и кумыса, купание в озере, теплые и горячие ванны, рассольные ванны, грязевые ванны, углекислые ванны, ванны из хвойной эссенции, души и обтирания, компрессы из Ширинской воды, натирания грязью.

Однако за все удовольствия санаторно-курортной помощи инвалиду следовало выложить приличную сумму. Цена «квартиры», в которой проживал инвалид на курорте, составляла 40-50 руб. в месяц, 8-10 руб. стоили транспортные услуги, во всех помещениях имелась мебель, но кровати стояли без матрасов, поэтому приезжающим настоятельно советовали привезти с собой наволочки и набить их за небольшую плату на месте соломой. Многие коммунальные и бытовые услуги были недоступны: посетителей предупреждали о том, что «прислуги для ухода за посетителями в этом году нет», «освещения не имеется», отапливать помещение следовало самим проживающим («дрова по 20 руб. за сажень»). Не лучше обстояло дело с организацией питания. С курортов приходили сообщения о том, что «молоко на курорте имеется в ограниченном количестве», «муки пока не было», «мясо мясник только обещает доставлять». Однако местные органы общественного призрения и добровольческие организации охотно отправляли инвалидов на лечение за свой счет [3, д. 194, л. 1 – 1 об., 20 – 20 об., 34].

В условиях восстановления благотворительности особую роль были призваны играть именно общественные организации. Так, в Новониколаевске в июле 1919 г. активизировался «Американский Красный Крест», который намеревался открыть дом для лиц, которые из-за преклонного возраста или болезни были более не способны к труду. Общественная организация во главе с Мэри С. Холл принимала на себя все расходы, связанные с проведением необходимого ремонта, закупкой мебели, работ по организации освежения здания, все необходимые расходы по содержанию дома и содержание проживающих в нем инвалидов. Единственным требованием к городским властям была надежда на то, что Городская Управа придет на помощь, бесплатно предоставив Красному кресту подходящее здание, которое после всех необходимых работ будет снабжать топливом. Управа, обсудив предложение американских благотворителей, постановила: «Взять городу на свое попечение... призрение престарелых людей до 25 человек», соединив приют для беженцев и городской приют.

Что еще интересно – американцы прекрасно отдавали себе отчет, в какой политической обстановке они пытались наладить дело общественного призрения. В договоре с новониколаевскими властями они указали особый пункт, по которому «пребывание Американского Красного Креста в Сибири лишь временно», поэтому организация считает себя вправе «прекратить свою деятельность в любое время» и после заявления о прекращении деятельности «снимает с себя всякую ответственность о вышеозначенном учреждении» [4, д. 332, л. 9-10, 18].

Еще одним направлением социальной помощи инвалидам войны можно считать практику медицинской помощи, когда для некоторой части инвалидов войны, которые возвращались с фронта не только с ранениями, но и с набором венерических заболеваний, на Алтае местным комитетом общественного призрения было организовано специальное принудительное противосифилитическое лечение. Причем был избран очень интересный метод – для получения пенсии инвалиды должны были явиться на медицинское освидетельствование в пенсионную комиссию, и если у них обнаруживались симптомы сифилиса, то прежде чем закрепить за ними право на пенсию, комиссия направляла вчерашних солдат на обязательное лечение. Естественно, потенциальные пенсионеры были не слишком довольны подобным вариантом социальной помощи, поэтому во время обследования скрывали свои заболевания, выдавая признаки венерического заболевания за последствия контузий и ранений, желая по понятным причинам получить скорее пенсию, чем подвергнуться противосифилитическому лечению. Однако эксперты, понимая, что невыявленные случаи заболевания способствуют распространению сифилиса среди населения, подвергали просителей пенсии самому тщательному осмотру [3, д. 19, л. б/н].

Итак, анализ имеющейся литературы по проблемам социального развития Белой Сибири и сведений, полученных из архивных материалов, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в современной историографии проблемы социальной помощи нетрудоспособному населению в антибольшевистской Сибири в 1918-1919 гг. освещены крайне поверхностно. Зачастую исследователи ограничиваются простым упоминанием того, что в отношении инвалидов и стариков также проводилась некая система мер. Обычно это простое указание на то, что нетрудоспособные получали пенсионные выплаты и социальные пособия, при этом достоверных сведений о том, существовало ли на самом деле пенсионирование, в работах не обнаруживается.

Во-вторых, можно с уверенностью говорить о том, что на территориях, подчиненных антибольшевистским правительствам, практиковалась выдача материальной помощи, но не в виде пенсий, а в виде разовых пособий. Другими эффективными способами повысить качество жизни нетрудоспособных было помещение их в богадельни, оказание врачебной и специализированной медицинской помощи. Активное участие в реализации этих мероприятий принимали общественные организации, наспех образованные или восстановленные после смены власти.

В-третьих, социальная помощь была во многом стихийной, поэтому вряд ли можно согласиться с В. М. Рынковым в том, что ведущим фактором «социальной политики» антибольшевистских правительств была ее идейно-политическая ориентированность. Скорее всего, решение социальных проблем, с которыми сталкивались нетрудоспособные, временная власть откладывала до лучших времен, как и решение прочих политических и экономических вопросов.

Наконец, характер социальной помощи нетрудоспособным лицам в антибольшевистской Сибири по большому счету ничем не отличался от прежней дореволюционной практики общественного призрения. В целостную систему государственной социальной политики, как у тех же большевиков, которые однозначно противопоставляли социальное обеспечение за счет государства общественной и частной благотворительности, разрозненные направления содействия нетрудоспособным лицам не сложились. В связи с этим можно смело утверждать, что альтернативой дореволюционному общественному призрению или социальной политике большевиков практика социальной помощи нетрудоспособным антибольшевистских правительств не была, да и вряд ли могла стать таковой. Если к 1917 г. в стране уже постепенно сложились условия для превращения благотворительности в профессиональную социальную работу при руководящей роли государственных органов призрения, то представители белой власти, считавшие себя «продолжателями истинной России», должны были содействовать дальнейшему развитию этих условий. Однако они ограничились возвратом к прежней, во многом неэффективной общественной благотворительности, фактически переложив социальные проблемы на плечи самого общества.

Подводя итоги исследования, нельзя не отметить еще и то обстоятельство, что в годы революции и гражданской войны продолжался постепенный переход от традиционного к индустриальному обществу, происходила дальнейшая модернизация общества. Неотъемлемой частью этого процесса должно было стать формирование новой стратегии социальной помощи в отношении нетрудоспособного населения. На смену дореволюционному социальному попечению должна была прийти новая государственная социальная политика, поскольку развитие патерналистских начал обусловило признание государством за собой всех социальных обязательств и ответственности перед всеми нуждающимися. Однако социальная защита инвалидов и стариков была распространена только на тех, кто поддерживал антибольшевистский курс, исключая тех, кто придерживался другой идеологии. Подобное отношение только закрепляло социальное неравенство и не способствовало решению проблем социального неблагополучия нетрудоспособных лиц. Инвалиды и пожилые люди остались на обочине общественных отношений, и решать вопросы их социальной защищенности пришлось уже советской власти.

Список источников

1. **Васин А. Н., Велембовская К. М.** Страницы биографии «отца телевидения» В. К. Зворыкина (1888-1982) // Новая и новейшая история. 2009. № 5. С. 201-218.
2. **Государственный архив Алтайского края (ГААК).** Ф. 51. Оп. 2.
3. **ГААК.** Ф. 233. Оп. 2.
4. **Государственный архив Новосибирской области (ГАНО).** Ф. Д-97. Оп. 1.
5. **ГАНО.** Ф. Д-122. Оп. 1.
6. **Мячина Е. В.** К вопросу о тыловом обеспечении белогвардейской армии А. В. Колчака в 1918-1920 гг. // Вестник алтайской науки. 2008. № 3 (3). С. 131-138.
7. **Плотников И. Ф.** Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 115 с.
8. **Рынков В. М.** Индивидуальные социальные трансферты в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1920-1922 годы как элемент социальной политики и идеологии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2012. Т. 11. № 1. С. 78-83.
9. **Рынков В. М.** Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск: Сибпринт, 2008. 440 с.
10. **Тишкина К. А.** Восстановление деятельности благотворительных организаций на территории Западной Сибири в 1918-1919 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 140-144.
11. **Тишкина К. А.** Деятельность Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и Гражданской войн: дисс. ... к.и.н. Барнаул, 2018. 296 с.
12. **Хандорин В. Г.** К вопросу об аграрных взглядах сибирских кадетов в период революции и гражданской войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 9 (99). С. 39-45.

SOCIAL ASSISTANCE FOR DEPENDENT POPULATION IN ANTI-BOLSHEVIST SIBERIA IN 1918-1919

Kovalev Aleksandr Sergeevich, Doctor in History, Associate Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk
alexkovaleff@yandex.ru

The article, basing on previously unpublished materials of the Siberian archives, considers the main directions of the social assistance of the Provisional Siberian Government in relation to the dependent population in the Altai region and Novonikolayevsk in 1918-1919. The peculiarities of charity for the disabled and elderly people in poorhouses, the specificity of material support, health resort and specialized medical treatment are analysed. The author comes to the conclusion that there was no integral system of social protection of the disabled and elderly people in anti-Bolshevik Siberia, and assistance to the dependent population did not differ from the pre-revolutionary practice of public charity.

Key words and phrases: charity; poorhouse; civil war; disabled people; medical care; benefits; elderly people; social assistance.